

Тихо, на цыпочках подойдя к западному флигелю, Чэнь Чжи затаил дыхание и прислушался. Изнутри донеслись лишь одна-две смутные, едва различимые фразы.

Однако и этого хватило — хватило с лихвой, чтобы он вмиг уразумел, ради чего Пэй Яо прокрался в комнату Чанся.

Кровь безумным потоком хлынула ему в голову, в глазах потемнело, и папа устоял на ногах лишь потому, что вовремя оперся рукой о стену.

Забыв обо всем на свете, он пылал лишь одним желанием: выволочь Пэй Яо наружу и избить до полусмерти.

Скрипнув от лютой злости зубами, Чэнь Чжи с размаху пнул дверь ногой и яростно взревел:

— Выметайся оттуда живо!

От страшного удара дверь заходила ходуном. Лицо Чанся исказилось от неопишуемого ужаса, а слезы полились из глаз сплошным потоком, будто вода из пробитого кувшина.

У Пэй Яо на сердце тоже заскребли кошки, но отступать было поздно — их поймали с поличным, и деваться некуда. Сжав зубы, он пересилил себя и открыл дверь.

Стоявший на пороге Чэнь Чжи был вне себя от бешенства. Он мертвой хваткой вцепился в замывшегося было сына, который не горел желанием выходить, и с размаху влепил ему хлёсткую, звонкую пощечину — «Хлось!».

От яростного удара голова Пэй Яо мотнулась в сторону, а щеку обожгло нестерпимым огнем.

Папа вложил в этот удар всю свою силу, и на лице парня вмиг проступил багровый, отчетливый след от ладони.

Руки Чэнь Чжи ходили ходуном от гнева, а в глазах, казалось, полыхало настоящее пламя:

— Ах ты, паршивец!

Эта брань будто вернула ему былые силы. Оглядевшись по сторонам в поисках оружия, он бросился к поленнице, схватил увесистую деревянную палку и гаркнул:

— Только попробуй у меня побежать!

Пэй Яо совсем пал духом и покорно опустил голову, покоряясь злой судьбе.

Дома всё было иначе, нежели на людях. С малых лет, коли папа принимался его учить уму-разуму, парень, едва заведев угрозу, улепетывал со всех ног — дураков стоять на месте и принимать побои не было.

Но сегодня он даже не помышлял о бегстве. Удери он сейчас — и весь отцовский гнев обрушился бы на беззащитного Чанся.

Чэнь Чжи мигом воротился с дубиной в руках, и во дворе в то же мгновение поднялся невообразимый переполох.

— Выродок паршивый! Шельма недобитая!

Чанся безутешно рыдал, а Пэй Яо покорно принимал удары.

Папа бил его, не жалея сил, исступленно выкрикивая ругательства. Лицо его налилось пунцовой краской от гнева и запоздалого испуга, а на висках бешено стучали жилки.

— Проклятый упрямец! Только и горазд, что смуту наводить! Как у тебя только духу хватило на такое непотребство, на пакость такую?

— Ничему доброму не научился, одни кривые дорожки да скверну в голове держишь, дрянь ты эдакая!

Тяжелая палка с глухим стуком раз за разом опускалась на спину и плечи юноши.

Когда первый удар пришелся аккурат по хребту, Пэй Яо лишь глухо застонал через сжатые зубы, но более не проронил ни звука. Он не смел метаться по двору, а лишь упрямо крутился на месте, раз за разом заслоняя собой испуганного Чанся.

Побои продолжались добрую четверть часа. Наконец Чэнь Чжи совсем выбился из сил, тяжело задышал и с глухим стуком — «Дзынь!» — швырнул палку на землю:

— На колени!

Пэй Яо тут же опустился на колени, но спину выпрямил струной, по-прежнему надежно закрывая собой рыдающего приемыша.

Глаза Чэнь Чжи были широко распахнуты от ярости, гнев его и не думал утихать. Он грозно рявкнул:

— Чанся!

Утирая слезы, Чанся робко выбрался из-за спины названного брата и опустился на колени рядышком.

В сердце Чэнь Чжи мешались злоба и горькая обида. Хлестко — «Шлеп!» — ударив Чанся по руке, он в ярости вымолвил:

— Ну-ка отвечай мне, когда вы двое успели?..

Договорить до конца он не смог — язык не поворачивался назвать это непотребство. От этой беспомощности обида накатила с новой силой, и папе захотелось самому себе надавать по щекам за недосмотр.

Чанся, всхлипывая, тихо вымолвил:

— Всего два месяца как...

Чэнь Чжи снова вскипел. Он принялся сердито тыкать пальцем в лоб Чанся, осыпая его упреками:

— Пресвятые угодники! И у тебя ума не хватило прийти да всё мне рассказать? Так и безмолвствовал, пока этот негодник творил что вздумается?!

Заметив, что папа в сердцах замахнулся, готовый пнуть Чанся, Пэй Яо резко дернул того за рукав в сторону, уводя от удара, и твердо промолвил:

— Папа, к чему его-то бить, толку-то никакого! Он ведь сам не хотел, это я его улестил да задобрил.

Чэнь Чжи промахнулся, и ярость его взметнулась до самых небес. Однако тут он вспомнил об иной, куда более важной и страшной заботе. Скрипнув зубами, он понизил голос до шепота и с ненавистью спросил:

— Я тебя спрашиваю, до “того самого” дела у вас двоих... тоже дошло? Вы и там нагрелись?

При этих словах Пэй Яо и Чанся разом вскинули головы и, насупив брови, уставились на папу с полным недоумением на лицах.

Увидев эту неподдельную растерянность, Чэнь Чжи немного отлегло от сердца.

Пэй Яо хмуро буркнул:

— Да мы только целовались несколько раз, больше ничего.

Чэнь Чжи даже смотреть на него не желал. Горько усмехнувшись, он процедил:

— Ну надо же, предки мои дорогие, какой выдающийся сынок вырос! Настоящий повод для гордости! Весь род Пэй опозорил, лицо семьи в грязь втоптал! Есть ли на свете хоть что-то, чего бы ты, подлец, побоялся натворить?

Пэй Яо не посмел перечить.

Папа развернулся и принялся честить Чанся:

— А у тебя что, языка нет, или вовсе ума лишился? Как можно было позволить ему такие вольности? В какие года вошел, неужто не ведаешь, что почем? Коли бы ты истинной непорочности лишился, как бы людям в глаза смотреть стал? Тебя ж теперь ни один честный человек замуж не возьмет!

— Это сегодня я вас на горячем поймал, а ну как чужие люди в окно заглянули бы?..

Чэнь Чжи осекся, страшась даже помыслить о таком позоре.

Пэй Яо не сдержался и вставил слово:

— Да говорю же, он сам не хотел! Я его уговорил, и мы только дома, на людях ничего...

Чэнь Чжи зажмурился и глубоко, судорожно вдохнул воздух полной грудью, пытаясь унять бешеное сердцебиение.

Пэй Яо тем временем размышлял над давешними словами папы и, сочтя их в корне неверными, принялся возражать:

— Да и зачем ему замуж за чужих идти? Мы ведь с малых лет обручены, и в брачные списки, и в подворные книги у старосты он как мой нареченный записан!

— Тьфу! — плюнул в сердцах Чэнь Чжи. — Ах ты, скотина! Так ты, значит, уповая на эту старую бумагу, решил непотребства чинить?

— Так я тебе всю правду скажу: я для Чанся уже присмотрел добрую семью в мужья! Вот

зашлю сваху, разузнаю всё как следует — и поминай как звали, останешься ты с носом!

Эти слова громом среди ясного неба поразили Пэй Яо. Он вмиг растерял всю покорность и отчаянно закричал:

— Не бывать этому!

Чэнь Чжи утомленно потер виски. Кабы он сегодня не застал эту парочку во флигеле, то и впрямь на днях отправил бы сваху договариваться о замужестве приемыша.

— Папа, нельзя его отдавать, — лицо Пэй Яо исказилось от неподдельной тревоги.

Чэнь Чжи вовсе не собирался потакать капризам негодного сына и ледяным тоном оборвал его:

— Это еще почему? Неужто твоего дозволения спрашивать буду?

Чанся замер, громом пораженный. Он тоже никак не ожидал, что старшие в доме втайне подыскивают ему нового жениха на стороне.

Глаза его снова налились слезами, но теперь они не лились градом. Ресницы юноши мелко подрагивали, а сам он сжался в комок, являя собой картину полного и самого жалкого сиротского несчастья.

На лице Пэй Яо читалось явное упрямство и бунт. С какой стати? Ведь Чанся с детства привели в их дом ради того, чтобы он стал его названным мужем! По какому праву его теперь хотят отдать чужому мужику?

Сейчас он был кругом виноват и не смел перечить разгневанному папе, но в душе его уже закипала глухая злоба на безвестного соперника, а мысли закрутились со страшной силой.

«Коли папа и впрямь задумает выдать Чанся на сторону, я из-под земли достану имя этого подлеца. Костями лягу, а свадьбу эту проклятую расстрою!»

Но кто знает сына лучше родного отца? Чэнь Чжи, едва завидев этот упрямый, исполненный затаенной обиды и злобы взгляд, вмиг понял, какую черную кашу тот затевает варить в своей голове.

«Хлось!»

Пэй Яо получил увесистую затрещину по затылку, отчего вся мрачная дурь мигом вылетела у него из мыслей.

Он упрямо вскинул голову и твердо вымолвил:

— Папа, нельзя Чанся чужим отдавать. Раз уж между нами всё это случилось, его теперь ни один муж не примет.

Лицо Чэнь Чжи окаменело, и он долго, томительно молчал.

Тут до него наконец дошел скрытый смысл слов приемыша: Чанся ведь обмолвился, что это тянется всего два месяца.

Чэнь Чжи страсть как хотелось спросить, уж не потому ли Чанся всё это время дичился названного брата и бегал от него как от чумы?

Но слова застряли в горле — к чему спрашивать, ведь всё и так ясно как день, пустые расспросы радости не принесут.

А ведь он-то, старый дурак, все эти годы сокрушался, будто мальчишки не ладят друг с другом и брак между ними станет лишь обузой да насилием над волей. А оно вон как обернулось! Этот паршивец Пэй Яо, оказывается, давно положил глаз на названного брата.

Вспомнив одну страшную трагедию, свидетелем которой он стал в далекой юности, Чэнь Чжи больше всего на свете боялся, как бы его дети не превратились в смертных врагов. Кто же знал, что все его страхи окажутся пустой суетой?

И пускай Чанся поддался на уговоры и позволил Пэй Яо лишку, теперь и впрямь отдавать его замуж на сторону было никак нельзя.

После долгого, тягостного молчания Чэнь Чжи устало потер лоб.

Носком сапога он отшвырнул валявшуюся на земле дубину, окинул Пэй Яо ледяным взглядом и, повернувшись к приеме, велел:

— Ступай к себе в комнату.

Чанся не посмел послушаться. Бросив полный колебания и тревоги взгляд на побитого брата, он поднялся с колен и поспешил к себе.

Пэй Яо проводил взглядом Чанся, пока за тем не захлопнулась дверь и не заскрипел засов. Ему очень хотелось заступиться за названного брата, сказать папе, что Чанся ни в чем не виноват, но он понимал: любое его слово сейчас лишь подкинет дров в этот полыхающий костер.

У Чэнь Чжи пропало всякое желание бежать в соседнюю деревню за дешевой свининой да соевым творогом. Перед тем как уйти к себе в покои, он бросил через плечо суровое напутствие:

— Попробуй только встать с колен — ноги переломаю.

Солнце уже не пекло так нещадно, как в полуденный час, но предвечерний зной всё еще заставлял обливаться потом.

Пэй Яо так и остался стоять на коленях посреди двора. Губы его пересохла от жажды, а побитая спина и распухшая щека мало-помалу наливались тупой, ноющей болью, причиняя невыносимые мучения.

Встать он не смел — лишь изредка, улучив минутку, украдкой растирал онемевшие колени, после чего снова замирал изваянием.

«Ну и ладно, главное — Чанся в прохладном доме сидит, а то на таком солнцепеке он бы совсем завял как нежный цветок».

Старый пес и белая собачонка еще при первом яростном крике Чэнь Чжи со страху поджали хвосты и забились в самый дальний угол двора под навес.

А уж когда на их глазах молодого хозяина принялись нещадно дубасить, псы и вовсе обомлели. До судорог дело не дошло, но приближаться к людям в такой грозный час собаки не отваживались.

*

Когда Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань ворвались домой, перед их глазами предстала безрадостная картина: любимый старший внук стоит на коленях посреди двора, а его левая щека раздулась, являя миру багровый, отчетливый след от тяжелой руки.

Старики души не чаяли во внуке и всегда его баловали, но, узрев такой суровый семейный суд, велеть парню подняться с колен с ходу не решились.

Сердце Доу Цзиньхуа сжалось от жалости. Приметив, что в западном флигеле царит полная тишина, она поспешила подойти ближе и шепотом спросила:

— Милый ты мой, что же тут стряслось-то?

У Пэй Яо и у самого язык не поворачивался открыться бабушке. Потерев кончик носа от сильного смущения, он невнятно пробормотал:

— Да ничего, бабуля... Просто виноват я, глупость совершил.

Старушка промолчала, но про себя подумала, что за пустячную провинность папа не стал бы так лютовать.

Пэй Цзаоань тем временем сгрузил охапку хвороста у поленницы и принялся аккуратно раскладывать ветки для просушки. Он краем уха прислушивался к разговору, и брови его сходились к переносице всё ближе и ближе.

— И долго ты так маешься? — вновь тихонько осведомилась Доу Цзиньхуа.

Пэй Яо прикинул по солнцу:

— Да уж без малого час прошел. Колени и голени совсем затекли да колоть начали, но ничего, сдюжу.

Видя, что внук упорно молчит и не открывает всей правды, у Доу Цзиньхуа затрепетало сердце: что же за беда стряслась в их доме?

Пэй Цзаоань, заметив, что губы у внука покрылись сухой корочкой, а по лицу вперемешку со следами побоев катится обильный пот, сурово насупился и промолвил:

— Будет тебе. Какая бы там вина за ним ни водилась, лицо парню попортили, да и на коленях он уже невесть сколько простоял. Видно ведь, что осознал грех свой, пускай встает.

Пэй Яо не шелохнулся.

В ту же секунду из западных покоев величавой поступью вышел Чэнь Чжи. Шагая к старикам, он звучно, на весь двор отчеканил:

— Батюшка, матушка! Я сына уму-разуму учу, и коли вы подсоблять мне не желаете — так хотя бы речами своими его не выгораживайте! Вы его с малых лет так разбаловали, что он у нас совсем страх потерял, законов не видит. Ежели сейчас узду не натянуть, он завтра нам весь дом по бревнышку разнесет. Вот тогда прибежите ко мне, станете умолять, чтоб я порядок навел — а я и пальцем не шевельну!

Увидев, как суров и непреклонен Чэнь Чжи в своих речах, да к тому же подмечая, что сам Пэй

Яо даже шевельнуться не смеет — хотя обычно, коли за ним водился грешок, он всегда гоголем ходил да права качал, — старики прикусили языки. До них наконец дошло: на сей раз внук натворил что-то по-настоящему страшное.

Губы Пэй Цзаоаня дрогнули, и голос его заметно упал:

— Да как бы там ни было... Лицо-то вон как распухло, да и простоял он долго. Понял уже всё.

Чэнь Чжи лишь горько усмехнулся в ответ:

— Ах так? Ну что ж, воля ваша! Велите ему подняться. Только чур с этой минуты все заботы по дому, большие и малые дела — всё на ваши плечи ложится, а я умываю руки и знать ничего не знаю!

— Дедушка, — глухо подал голос Пэй Яо. — Не нужно за меня просить, я и впрямь кругом виноват.

Пэй Цзаоань замолчал и более не проронил ни слова.

Во дворе воцарилось тяжелое молчание. Поколебавшись немного, Доу Цзиньхуа всё же решилась подать голос:

— Да что же стряслось-то, скажите на милость, чтоб и мы знали.

Чэнь Чжи лишь в сердцах отмахнулся:

— У меня язык не поворачивается такой позор сказывать. У него спросите!

С этими словами он круто повернулся, вошел в дом и с грохотом — «Бах!» — захлопнул за собой дверь.

Пэй Цзаоань насупился пуще прежнего, а Доу Цзиньхуа вновь склонилась к внуку, пытаясь вывести правду.

Но Пэй Яо сейчас и сам готов был сквозь землю провалиться от стыда, а потому лишь выдавил:

— Бабушка, не спрашивай, прошу тебя.

Раз уж и один, и второй упрямо держали рот на замке, дело и впрямь пахло керосином.

Доу Цзиньхуа от природы была женщиной незлобивой и к чужим тайнам не любопытной. Видя такое дело, она допытываться не стала, а лишь потихоньку скользнула на кухню, зачерпнула полную глиняную пиалу теплой воды, вынесла во двор и, протягивая внуку, шепнула:

— На, выпей живей, сделай пару глотков.

Пэй Яо изнывал от жажды, так что принял чашу и осушил её до самого дна в один миг.

Тут он вспомнил о Чанся — из его флигеля с той самой минуты не донеслось ни единого звука. И пускай в комнате у него имелся свой чайник, бог весть, оставалась ли там хоть капля воды. Понизив голос до едва различимого шепота, парень попросил:

— Бабуля... ты бы через окошко Чанся водицы подала, а?

Лишь тогда Доу Цзиньхуа заметила, что на двери западного флигеля красуется тяжелый засов.

Один на коленях мается, второй под замком сидит — старики ума не могли приложить, какую кашу заварили эти двое, но всю серьезность положения уразумели сполна.

Доу Цзиньхуа легонько постучала в ставню Чанся и негромко позвала:

— Чанся, детка, есть ли у тебя водица в комнате? Давай-ка бабушка твой чайник свежей водой наполнит.

Створка окна приоткрылась наполовину, явив миру заплаканное лицо Чанся. Глаза его были красными от слез, словно спелые вишни.

Как ни крути, а мальчишку они растили с пеленок, и в отличие от толстокожего, упрямого Пэй Яо, Чанся всегда был нежным и хрупким. Увидев его в таком жалком состоянии, у Доу Цзиньхуа защемило сердце, и она поспешила утешить его:

— Не плачь, маленький, не бойся. Мы с дедом воротились, всё хорошо будет.

Услышав эти ласковые слова, Чанся не выдержал, и слезы вновь покатались по его щекам крупными каплями.

— Да что ж ты плачешь-то, сердешный? Скажи бабушке, что стряслось, — принялась ворковать над ним старушка.

Чанся лишь беззвучно покачал головой и крепко сжал губы, не смея проронить ни слова.

Делать было нечего. Доу Цзиньхуа наполнила его чайник ключевой водой, подала в окно и более ни о чем расспрашивать не стала.

Окошко западного флигеля со щелчком захлопнулось. Пэй Яо проводил его долгим взглядом и уныло опустил голову, терзаясь глухим чувством вины.

Пэй Цзаоань устроился на завалинке под навесом крыши, раскурил свою старую табачную трубку и глубоко затягивался, не разжимая насупленных бровей.

Доу Цзиньхуа уселась рядышком перебирать овощи. Они долго, очень долго сидели в полном молчании, и на лицах обоих читалось глубокое, унылое недоумение.

Лишь когда Чэнь Чжи в очередной раз вышел на крыльцо, Пэй Яо наконец получил позволение подняться. Юноша с трудом разогнул затекшее тело и еще очень долго с тихим кряхтением растирал посиневшие колени.

Дверь западного флигеля наконец отперли, но Чанся лишь робко выглянул порог, не осмеливаясь сделать и шагу во двор.

Зная, какой ранимой и стыдливой душой обладает Чанся, Чэнь Чжи лишь сокрушенно вздыхал про себя, досадуя на его излишнюю робость: «Надо же быть таким трусишкой! Пэй Яо над ним всю тешил, а этот глупец даже пикнуть не посмел, так и молчал как рыба!»